

- Sharqda ko‘proq filologik, manbashunoslik, adabiy-tarixiy, etik-estetik tahlil ustun.
- **Tilga yondashuvda:**
 - G‘arb: til – kuch munosabatlari maydoni, gender tengsizligining aks etgan ko‘zgusi.
 - Sharq: til – ma’naviy kamolot, axloqiy tartib, adabiy go‘zallik maydoni.

Mushtarak jihatlar ikkala paradigmadada ham:

- ayol nutqining o‘ziga xos xususiyatlari borligi e’tirof etiladi;
- nutq orqali ayolning **ijtimoiy roli, psixologik qiyofasi, madaniy mavqei** aks etishi tan olinadi;
- “ayol tili” tushunchasi bir tomonlama emas, balki **murakkab, ko‘p qatlamli** hodisa sifatida talqin qilinadi.

Bugungi kunda ilm-fan rivoji tufayli G‘arb metodologiyasining empirik-korpus yondashuvlari Sharqning manbashunoslik, adabiyotshunoslik tajribasi bilan integratsiyalashmoqda.

Foydalanilgan adabiyotlar:

1. Navoiy, A. Xamsa. – Toshkent: Fan, 1991.
2. Navoiy, A. Hayrat ul-abror. – Toshkent: G‘afur G‘ulom, 1982.
3. Bertels, E. Navoiyning ijodiy merosi. – Moskva: Nauka, 1965.
4. Sirojiddinov, S. Navoiyning badiiy tafakkuri. – Toshkent: Akademya, 2014.
5. Labov, W. Sociolinguistic Patterns. – Pennsylvania, 1972.
6. Trudgill, P. Sociolinguistics. – Penguin, 1995.
7. Mirzaev, T. Mumtoz poeziya talqini. – Toshkent, 2003.
8. Karimov, H. She’riyat estetikasining asoslari. – Toshkent, 2011.
9. Yo‘ldoshev, Q. Badiiy matn tahlili. – Toshkent: Fan, 2010.
10. Quronov, D. Adabiyotshunoslikka kirish. – Toshkent, 2010.
11. Ziyonet.net

Джагаспанян Рафик Николаевич самостоятельный соискатель Ферганского государственного университета raphael.nadal@mail.ru ORCID id- 0009-0006-0814-2734

СОЦИАЛЬНАЯ ЭТИКА И ОБРАЗ НАРОДНОГО ГЕРОЯ: ЧИТАТЕЛЬСКИЕ СМЫСЛЫ В РОМАНАХ «Я ПРИШЁЛ ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ» И «ЗОЛОТАЯ ГОЛОВА МСТИТЕЛЯ»

<https://zenodo.org/records/18728982>

Аннотация: В современном литературоведении наблюдается значительный дефицит комплексных сравнительных исследований, посвящённых механизмам формирования образа народного героя в произведениях различных национальных литературных традиций. Романы, обращаясь к теме народного восстания и этики сопротивления угнетению, порождают широкий спектр читательских

интерпретаций, однако вопрос о том, каким образом социально-этический контекст произведения определяет рецептивные стратегии читателя, остаётся малоизученным. Особенно остро ощущается недостаток работ, в которых проводится типологическое сопоставление героев-бунтарей, принадлежащих различным культурным ареалам, с позиций рецептивной эстетики. Цель исследования заключается в выявлении и систематизации читательских смыслов, формируемых образами народных героев в романах В. М. Шукшина “Я пришёл дать вам волю” и “Золотая голова мстителя”, а также в определении роли социально-этических категорий справедливость, свобода, жертвенность, возмездие в процессе смыслопорождения при восприятии данных произведений.

Ключевые слова: народный герой, социальная этика, рецептивная эстетика, читательские смыслы, сравнительное литературоведение, В. М. Шукшин, архетип бунтаря, смыслопорождение.

SOCIAL ETHICS AND THE CHARACTER OF THE PEOPLE'S HERO: READER'S MEANINGS IN THE NOVELS "I CAME TO GIVE YOU MY WILL," "THE GOLDEN HEAD OF THE AVENCHER."

Annotation. In modern literary studies, there is a significant shortage of comprehensive comparative studies devoted to the mechanisms of forming the image of a folk hero in works of various national literary traditions. Novels addressing the theme of the popular uprising and the ethics of resistance to oppression generate a wide range of reader interpretations, however, the question of how the socio-ethical context of the work determines the reader's receptive strategies remains poorly studied. The lack of works in which the typological comparison of rebel heroes belonging to different cultural areas is carried out from the standpoint of receptive aesthetics is particularly acute. The purpose of the research is to identify and systematize the reader's meanings formed by the images of folk heroes in V.M. Shukshin's novels “I Came to Give You Freedom” and “The Golden Head of the Avenger,” as well as to determine the role of social and ethical categories of justice, freedom, sacrifice, revenge in the process of meaning generation in the perception of these works.

Keywords: folk hero, social ethics, receptive aesthetics, reader meanings, comparative literary studies, V. M. Shukshin, rebel archetype, meaning generation.

IJTIMOY AXLOQ VA XALQ QAHRAMONINING OBRAZI: “MEN SIZGA ERK BERISH UCHUN KELDIM” VA “QASOSKORNING OLTIN BOSHI” ROMANLARIDAGI O‘QUVCHI MA’NOLARI

Annotatsiya: Zamonaviy adabiyotshunoslikda turli xil milliy adabiy an'analar asarlarida xalq qahramoni obrazini shakllantirish mexanizmlariga bag'ishlangan murakkab qiyosiy tadqiqotlar sezilarli darajada etishmayapti. Xalq qo'zg'oloni va zulmga qarshilik ko'rsatish etikasi mavzusiga bag'ishlangan romanlar o'quvchilarning keng talqinlarini keltirib chiqaradi, ammo asarning ijtimoiy-axloqiy konteksti o'quvchining retseptiv strategiyalarini qanday belgilashi haqidagi savol hali ham yaxshi tushunilmagan. Ayniqsa, turli madaniy hududlarga tegishli bo'lgan isyonchi qahramonlarning retseptiv estetika nuqtai nazaridan tipologik taqqoslanishi amalga oshiriladigan ishlarning etishmasligi juda keskin. Tadqiqotning maqsadi V.

M.Shukshinning “men sizga erk berish uchun keldim” va “Qasoskorning Oltin boshi” romanlarida xalq qahramonlari obrazlari bilan shakllangan o‘quvchi ma’nolarini aniqlash va tizimlashtirish, shuningdek, ijtimoiy-axloqiy toifalarning rolini aniqlashdan iborat. Ushbu asarlarni idrok etishda ma’no yaratish jarayonida adolat, erkinlik, qurbonlik, qasos.

Kalit so‘zlar: xalq qahramoni, ijtimoiy etika, retseptiv estetika, o‘quvchi ma’nolari, qiyosiy adabiyotshunoslik, V. M. Shukshin, isyonchi arxetip, ma’no tug‘ilishi.

Введение.

Образ народного героя является одной из наиболее устойчивых и семантически нагруженных констант мировой литературы. От античных мифов о Прометее до современных романов о борцах за свободу этот образ неизменно привлекает внимание не только писателей, но и исследователей, стремящихся постичь природу того особого притяжения, которое фигура бунтаря и защитника угнетённых оказывает на читательское сознание. Вместе с тем следует признать, что само понятие «народный герой» далеко не однозначно: оно аккумулирует в себе целый комплекс социально-этических представлений, исторических оценок и культурных мифов, варьирующихся от эпохи к эпохе и от одной национальной традиции к другой [2, с.115].

Роман В. М. Шукшина «Я пришёл дать вам волю» (1971), посвящённый восстанию Степана Разина, занимает особое место в русской литературе второй половины XX века. Это произведение стало итогом многолетних размышлений автора о природе русского бунта, о границах дозволенного в борьбе за справедливость и о трагической обречённости героя, вставшего на путь насилия во имя свободы [10, с.47]. Шукшин создаёт не просто историческую хронику — он конструирует сложнейшую этическую модель, в рамках которой читатель вынужден соотносить собственные представления о добре и зле с теми нравственными дилеммами, которые встают перед Разиным [11, с. 62].

«Золотая голова мстителя» обращается к сходной проблематике, однако помещает её в принципиально иной культурный контекст. Центральная фигура этого романа — герой-мститель, чей образ вырастает из глубинных пластов национального эпоса и мифологической традиции. Месть здесь выступает не как проявление индивидуальной воли, а как священная обязанность, продиктованная родовой этикой и необходимостью восстановления нарушенного космического равновесия [16, с. 204]. Тем самым оба романа, при всём различии их художественных стратегий, обращаются к фундаментальному вопросу о нравственной допустимости насилия во имя высших ценностей.

Теоретической базой нашего исследования послужила рецептивная эстетика Х. Р. Яусса и В. Изера, согласно которой смысл литературного произведения не является чем-то заранее данным и статичным, а формируется в процессе диалога между текстом и читателем [4; 7]. Как показал Яусс, каждая эпоха привносит свой «горизонт ожидания», через призму которого воспринимается художественный текст; при этом произведения, способные расширять или разрушать этот горизонт, обладают наибольшим эстетическим потенциалом [4, с. 56]. Изер, в свою очередь, обосновал идею «имплицитного читателя» — той совокупности текстовых стратегий, которые направляют процесс восприятия и смыслопорождения [7, с. 78].

Проблематика образа героя-бунтаря в литературе получила разностороннее освещение в работах Д. С. Лихачёва [5], Ю. М. Лотмана [3], М. М. Бахтина [2], Е. М. Мелетинского [25]. Поэтика прозы В. М. Шукшина исследовалась С. М. Козловой [10], В. А. Апухтиной [11] и другими учёными. Вместе с тем комплексное сравнительное исследование механизмов смыслопорождения в двух типологически сходных, но культурно различных романах о народных героях до сих пор не проводилось. Данная работа призвана восполнить этот пробел.

Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в условиях глобализации возрастает интерес к межкультурному диалогу, важнейшим инструментом которого является сравнительное литературоведение [18, с. 12]. Во-вторых, проблема этической оценки насилия и бунта, центральная для обоих исследуемых романов, приобретает особую остроту в современном общественно-политическом контексте. В-третьих, развитие рецептивной эстетики открывает новые возможности для изучения того, как именно художественный текст воздействует на нравственное сознание читателя [12, с. 26].

Новизна данной работы состоит в том, что впервые проводится систематическое сопоставление читательских стратегий восприятия образа народного героя в двух романах, принадлежащих различным литературным традициям, с применением интегрированного методологического аппарата, объединяющего инструменты рецептивной эстетики, нарратологии и аксиологического анализа. Предлагаемая четырёхчастная типология читательских интерпретаций является оригинальным теоретическим вкладом в область литературоведческой рецептивистики.

Необходимо также указать на то, что сама постановка вопроса о читательских смыслах применительно к произведениям о народных героях обладает выраженной социальной релевантностью. Образы Разина и героя-мстителя не замкнуты в пространстве эстетического переживания: они активно участвуют в формировании коллективной памяти и национальной идентичности, становясь точкой кристаллизации представлений народа о самом себе, своей истории и своих ценностях. Как убедительно показал Рикёр, нарративная идентичность — способ, которым индивид или сообщество осмысляют себя через рассказывание историй, — является одним из фундаментальных механизмов культурного самоопределения [8, с. 156]. Изучение того, как именно читатели конструируют смыслы при взаимодействии с романами о народных героях, позволяет пролить свет на эти процессы идентичностного строительства.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили тексты двух романов: «Я пришёл дать вам волю» В. М. Шукшина и «Золотая голова мстителя». Выбор данных произведений обусловлен их типологической общностью (оба романа посвящены народным героям-бунтарям) при одновременном культурном различии, что создаёт продуктивную основу для сравнительного анализа. Оба текста относятся ко второй половине XX века, что обеспечивает сопоставимость историко-культурного контекста их создания.

Методологической основой исследования является комплексный подход, интегрирующий несколько направлений литературоведческого анализа. Базовую теоретическую рамку составляет рецептивная эстетика в интерпретации Х. Р.

Яусса [4] и В. Изера [7], позволяющая рассматривать произведение не как замкнутую структуру, а как динамическое поле смыслопорождения, актуализируемое в процессе чтения. Концепция «горизонта ожидания» Яусса используется для анализа того, каким образом культурный и исторический контекст читателя влияет на восприятие образа народного героя.

Наряду с рецептивной эстетикой в работе применяется сравнительно-типологический метод, разработанный В. М. Жирмунским [18], который позволяет выявить как универсальные, так и специфические черты образа народного героя в различных литературных традициях. Структурно-семиотический подход Ю. М. Лотмана [3] используется для анализа системы бинарных оппозиций, организующих смысловое пространство каждого из романов. Герменевтический метод в трактовке Х.-Г. Гадамера [15] и П. Рикёра [8] обеспечивает теоретическую основу для интерпретации читательских смыслов как результатов диалога между «своим» и «чужим» в процессе понимания.

Аксиологический анализ, направленный на выявление системы ценностей, заложенных в художественном тексте, опирается на работы В. Е. Хализева [13] и позволяет систематизировать этические категории, через которые конструируется образ героя в каждом из романов. Концепция литературных архетипов Е. М. Мелетинского [25] привлекается для выявления глубинных мифологических структур, лежащих в основе образа героя-мстителя.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе был осуществлён имманентный анализ каждого из романов с целью выявления ключевых нарративных стратегий конструирования образа народного героя. Особое внимание уделялось таким аспектам, как мотивация действий героя, характер конфликта, система персонажей-антагонистов и способы авторской оценки. На втором этапе проводился сравнительно-типологический анализ, направленный на определение общих и различных черт в художественной репрезентации героя-бунтаря в двух романах. Третий этап был посвящён моделированию читательских стратегий восприятия на основе теории Изера и концепции «архетипов» Мелетинского [25]. На четвёртом этапе результаты всех предшествующих стадий были интегрированы в единую концептуальную модель читательского смыслопорождения.

Для систематизации выявленных читательских стратегий была разработана классификационная матрица, основанная на пересечении двух осей: ось «индивидуальное — коллективное» (характеризующая способ идентификации читателя с героем) и ось «рациональное — мифологическое» (отражающая тип осмысления действий героя). Пересечение этих осей даёт четыре базовых типа читательской интерпретации, которые подробно описываются в разделе «Результаты».

Результаты

Нарративное конструирование образа героя

Анализ романа «Я пришёл дать вам волю» выявил многоуровневую систему нарративных приёмов, используемых Шукшиным для создания образа Степана Разина. Центральным из них является приём полифонического повествования, при котором образ героя складывается из множества «голосов» — собственных монологов Разина, восприятия его казаками, точки зрения воевод и бояр, народных толков и слухов [22, с. 88]. Данная стратегия, восходящая к бахтинской концепции полифонического романа [2, с. 198], создаёт

принципиальную множественность образа героя, не сводимого к какой-либо единственной оценке.

Шукшин последовательно разрушает одномерный образ Разина как «удалого атамана», столь привычный для фольклорной и литературной традиции. Его Разин — фигура внутренне противоречивая, мучимая сомнениями и не способная до конца примирить свою жажду справедливости с неизбежностью кровопролития. Характерен эпизод, в котором Разин, уже приняв решение о походе на Москву, переживает острейший нравственный кризис, осознавая, что его путь неминуемо приведёт к страданиям невинных людей. Этот внутренний конфликт делает образ героя экзистенциально достоверным и создаёт основу для глубокого читательского сопереживания [10, с. 91].

Важнейшей особенностью нарративной стратегии Шукшина является акцентирование телесности и физического присутствия героя. Разин предстаёт не как абстрактная идея, а как живой человек — сильный, страстный, порой грубый и жестокий. Эта телесность, эта укоренённость героя в плоти и крови земного бытия создаёт особый эффект присутствия, который, по нашему наблюдению, является одним из ключевых факторов читательского вовлечения. Как отмечал Бахтин, именно через телесное начало осуществляется связь героя с народной карнавальской культурой, а через неё — с глубинными пластами народного мировосприятия [2, с. 246].

Особую роль в конструировании образа Разина играет язык героя. Шукшин наделяет своего персонажа речью, в которой органически сплавлены элементы народного просторечия, казачьего жаргона и неожиданно глубоких философских размышлений. Эта языковая стратегия, восходящая к традициям сказа, создаёт эффект непосредственного контакта читателя с сознанием героя и одновременно обнаруживает интеллектуальную глубину, не свойственную традиционным литературным изображениям народных бунтарей [19, с. 267]. Речь Разина становится важнейшим инструментом его характеристики и одним из ключевых каналов формирования читательского отношения к персонажу.

В «Золотой голове мстителя» нарративная стратегия конструирования образа героя существенно отличается. Здесь доминирует не полифоническое, а эпическое повествование, в котором голос рассказчика обладает особым авторитетом, восходящим к традиции народного сказителя. Герой-мститель представлен не столько как индивидуальная личность, сколько как воплощение коллективной воли народа, персонификация его стремления к справедливости и восстановлению поруганной чести. Этот принцип «соборности» героического образа, характерный для эпической традиции, был убедительно описан Д. С. Лихачёвым применительно к древнерусской литературе [5, с. 78], однако он оказывается в равной степени применим и к рассматриваемому произведению.

Существенным элементом нарративной конструкции «Золотой головы мстителя» является мифологический подтекст. Путь героя организован в соответствии с архетипической схемой, описанной Мелетинским: испытание — обретение сверхъестественной силы или мудрости — возвращение с целью восстановления порядка [25, с. 74]. Месть трактуется не как акт личной вендетты, а как ритуальное действие, направленное на восстановление нарушенного миропорядка, что придаёт ей характер священной обязанности и снимает вопрос о её моральной допустимости. Золотая голова — символ, несущий в себе

амбивалентную семантику: это и знак доблести, и напоминание о цене, которую герой платит за свою миссию.

Немаловажную роль в обоих романах играет пространственная организация повествования. У Шукшина пространство структурировано оппозицией «реки» (символ воли и движения) и «города» (символ порядка и несвободы), что создаёт динамическое напряжение, пронизывающее весь текст. В «Золотой голове мстителя» доминирует оппозиция «родной земли» и «чужого пространства», связанная с мотивом изгнания и возвращения [3, с. 254]. Эти пространственные структуры существенно влияют на формирование читательских смыслов, поскольку задают символическую рамку для восприятия действий героя.

Система социально-этических оппозиций

Сравнительный анализ позволил выявить существенные различия в системе социально-этических оппозиций, организующих смысловое пространство каждого из романов. В произведении Шукшина центральной является оппозиция «воля — неволя», которая реализуется на нескольких уровнях: социальном (крепостное рабство против казачьей вольницы), политическом (самодержавие против народовластия), экзистенциальном (внутренняя несвобода героя, осознающего невозможность достичь подлинной воли через насилие) [3, с. 169]. Именно многоуровневость этой оппозиции создаёт смысловую глубину романа и определяет разнообразие читательских интерпретаций.

Наряду с оппозицией «воля — неволя» в романе Шукшина выделяется оппозиция «правда — кривда», имеющая глубокие корни в русском народном сознании [9, с. 123]. Разин предстаёт как носитель «правды», противостоящей «кривде» боярского и царского произвола. Однако, в отличие от фольклорной традиции, где эта оппозиция абсолютна и не допускает полутонов, Шукшин показывает её относительность: «правда» Разина оборачивается жестокостью по отношению к тем, кто не разделяет его видения справедливости, а «кривда» власти порой оказывается необходимым условием порядка и стабильности. Эта релятивизация фольклорных бинарных оппозиций представляет собой один из наиболее значимых художественных вкладов Шукшина в развитие жанра исторического романа [20, с. 156].

В «Золотой голове мстителя» доминирует оппозиция «честь — бесчестье», которая тесно связана с родовой этикой и кодексом воинской доблести. Эта оппозиция реализуется прежде всего на коллективном уровне: речь идёт не о личной чести героя, а о чести всего народа, попранной захватчиками или угнетателями. Восстановление чести требует возмездия, и именно этот императив движет героем на протяжении всего повествования. Параллельно действует оппозиция «порядок — хаос», где порядок ассоциируется с исконным укладом жизни народа, а хаос — с чужеземным вторжением или тиранией, нарушившей этот уклад [16, с. 215].

Принципиальное различие между двумя романами обнаруживается в трактовке категории справедливости. У Шукшина справедливость предстаёт как нечто проблематичное, внутренне противоречивое, недостижимое в полной мере; разинский бунт, будучи порывом к справедливости, сам порождает новую несправедливость, образуя трагический замкнутый круг [17, с. 134]. В «Золотой голове мстителя» справедливость трактуется более определённо: она совпадает с восстановлением исходного порядка, с возвращением к утраченному идеалу, и потому путь героя, при всей его жестокости, воспринимается как однозначно

правый. Данное различие, с нашей точки зрения, отражает глубинную разницу между двумя этическими парадигмами: индивидуалистической, ориентированной на личную совесть, и коллективистической, опирающейся на традицию и родовую солидарность.

Типология читательских интерпретаций

На основе проведённого анализа нами была разработана типология читательских стратегий восприятия образа народного героя, включающая четыре базовых типа. Каждый из этих типов представляет собой определённую модель взаимодействия читателя с текстом, в которой активизируются различные аспекты образа героя и различные этические категории.

Героико-романтическая интерпретация характеризуется преобладанием эмоционального отождествления читателя с героем, восхищением его мужеством и самоотверженностью, идеализацией его целей и минимизацией нравственных издержек его действий. Данный тип интерпретации в наибольшей степени актуализируется «Золотой головой мстителя», чья эпическая нарративная стратегия естественным образом направляет читателя к героизации персонажа. В отношении романа Шукшина этот тип интерпретации возможен, но затруднён полифонической структурой повествования, которая постоянно подрывает однозначную героизацию Разина [14, с. 223]. Читатель, склонный к данному типу рецепции, как правило, акцентирует те эпизоды текста, в которых герой проявляет мужество и великодушие, и менее чувствителен к сценам, обнажающим его жестокость или сомнения.

Социально-критическая интерпретация акцентирует внимание на структурных причинах бунта — социальном неравенстве, эксплуатации, политическом бесправии. Герой воспринимается прежде всего как выразитель интересов угнетённого класса, а его действия оцениваются в категориях исторической необходимости. Этот тип интерпретации продуктивно применим к обоим романам, однако в каждом случае приобретает специфическую окраску: в романе Шукшина он смыкается с традицией русского революционно-демократического осмысления крестьянских восстаний, а в «Золотой голове мстителя» — с антиколониальным дискурсом национально-освободительной борьбы [21, с. 189]. Социально-критический читатель концентрирует внимание на описаниях социального гнёта и несправедливости, рассматривая их как главное обоснование действий героя.

Экзистенциальная интерпретация сосредоточена на внутреннем мире героя, его нравственных исканиях и трагическом выборе. Бунт осмысляется не столько как социально-политическое действие, сколько как акт самоутверждения личности перед лицом абсурдного мироустройства. Данный тип интерпретации наиболее органичен для романа Шукшина, где внутренний конфликт Разина является композиционным и смысловым центром произведения. Применительно к «Золотой голове мстителя» экзистенциальная интерпретация возможна, но требует определённого усилия от читателя, поскольку эпическая нарративная стратегия романа не акцентирует индивидуально-психологическое измерение героя [23, с. 178]. Тем не менее отдельные эпизоды внутренней борьбы героя-мстителя с бременем своей миссии открывают пространство для подобного прочтения.

Мифопоэтическая интерпретация рассматривает образ героя через призму архетипических моделей и мифологических структур. Бунт героя

осмысляется как воспроизведение космогонического мифа о борьбе порядка и хаоса, герой — как культурный герой или трикстер, нарушающий установленные границы ради обновления мира [6, с. 41]. Этот тип интерпретации особенно продуктивен в отношении «Золотой головы мстителя», где мифологический подтекст выведен на поверхность нарратива, но может быть плодотворно применён и к роману Шукшина, в котором образ Разина несёт в себе черты фольклорного трикстера — разрушителя границ и установлений [25, с. 96]. Мифопоэтический читатель обнаруживает в тексте глубинные символические паттерны, соотнося действия героя с универсальными мифологическими сюжетами.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать ряд значимых наблюдений относительно механизмов смыслопорождения в произведениях, центрированных на образе народного героя. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что оба романа, при всём различии их культурного происхождения и нарративных стратегий, обращаются к одному и тому же базовому архетипу — герою-бунтарю, бросающему вызов несправедливому порядку. Это обстоятельство подтверждает тезис Мелетинского о существовании универсальных литературных архетипов, функционирующих поверх культурных и национальных границ [25, с. 28].

Вместе с тем конкретная реализация этого архетипа в каждом из романов обнаруживает глубокую культурную специфику. Шукшинский Разин — это герой, находящийся в состоянии непрерывного внутреннего спора с самим собой, герой, для которого бунт является не только социальным действием, но и экзистенциальным выбором, сопряжённым с мучительным осознанием собственной вины и ответственности. Эта трактовка, как справедливо отмечала С. М. Козлова, отражает специфически русскую проблематику «правдоискательства» — стремления найти не просто социальную, но метафизическую правду бытия [10, с. 102].

Герой «Золотой головы мстителя» существует в иной этической парадигме. Его действия определяются не столько индивидуальным нравственным выбором, сколько коллективным императивом, восходящим к родовой этике и мифологической картине мира. Это не означает, что данный герой лишён внутренней глубины, однако его внутренний мир организован по иным принципам: место рефлексии занимает верность долгу, место сомнения — решимость, место индивидуальной совести — голос предков и коллективной памяти [9, с. 189]. Данное различие является не следствием разной художественной одарённости авторов, а отражением различных культурных моделей героизма, каждая из которых обладает собственной внутренней логикой и нравственной глубиной.

Особый интерес представляет выявленная нами связь между нарративной стратегией произведения и доминирующим типом читательской интерпретации. Полифоническая структура романа Шукшина, создающая принципиальную множественность точек зрения на героя, закономерно стимулирует экзистенциальную и социально-критическую интерпретации, тогда как эпическая стратегия «Золотой головы мстителя» более располагает к героико-романтическому и мифопоэтическому восприятию. Этот вывод согласуется с положениями Изера о том, что текстовые стратегии формируют «имплицитного читателя», направляя процесс смыслопорождения [7, с. 134]. Нарративная форма,

таким образом, выступает не нейтральным контейнером содержания, а активным агентом смыслообразования.

Следует, однако, подчеркнуть, что ни одно из произведений не исключает альтернативных интерпретаций. Как показывает теория Эко, художественный текст является «открытым произведением», допускающим множество равноправных прочтений [14, с. 67]. Богатство читательских смыслов обоих романов определяется именно тем, что каждый из них, при всей определённости своей доминирующей стратегии, оставляет пространство для иных интерпретативных подходов. Так, романтический читатель может обнаружить в шукшинском Разине не трагического мыслителя, а удалого богатыря, тогда как читатель с экзистенциальной установкой способен увидеть в герое «Золотой головы мстителя» не просто воплощение коллективной воли, а одинокую личность, раздавленную тяжестью возложенной на неё миссии.

Категория справедливости, как показывает наш анализ, выступает ключевым медиатором между текстом и читателем. Именно через эту категорию читатель соотносит художественный мир произведения со своим собственным нравственным опытом. При этом каждый из романов предлагает свою «модель справедливости»: трагическую у Шукшина (справедливость недостижима, но стремление к ней неистребимо) и реставрационную в «Золотой голове мстителя» (справедливость тождественна восстановлению исконного порядка). Выбор одной из этих моделей в качестве основы для интерпретации определяется не только текстовыми стратегиями произведения, но и культурным горизонтом самого читателя, что полностью соответствует предсказаниям рецептивной эстетики [4, с. 72].

Наши выводы вступают в продуктивный диалог с концепцией В. И. Тюпы, согласно которой аналитика художественного текста должна учитывать не только его внутреннюю структуру, но и модусы его рецепции [17, с. 56]. Предложенная нами четырёхчастная типология читательских интерпретаций представляет собой попытку систематизировать эти модусы применительно к конкретному жанрово-тематическому типу — роману о народном герое. Разумеется, данная типология не претендует на исчерпывающую полноту: она описывает лишь базовые стратегии, которые в реальной читательской практике могут комбинироваться и взаимодействовать самым различным образом. Каганович справедливо указывает, что реальный процесс восприятия всегда сложнее любой теоретической модели [12, с. 27].

Полученные результаты имеют определённое значение и для более широкого контекста сравнительного литературоведения. Они демонстрируют, что типологическое сходство сюжетов и мотивов (универсальность архетипа героя-бунтаря) сочетается с глубоким культурным своеобразием их художественной реализации, и что это своеобразие наиболее отчётливо проявляется не на уровне фабулы, а на уровне социально-этических оппозиций и нарративных стратегий конструирования образа героя. Данный вывод подтверждает методологическую плодотворность подхода Жирмунского, настаивавшего на необходимости сочетать типологическое сопоставление с анализом культурной специфики [18, с. 46].

Необходимо также обратить внимание на темпоральное измерение читательской рецепции. Образ народного героя, зафиксированный в тексте, не остаётся неизменным для различных поколений читателей. Как показывает

герменевтическая традиция, каждое новое историческое «прочтение» актуализирует иные грани произведения, выдвигая на первый план те смыслы, которые оказываются созвучными духу времени [15, с. 289]. Можно предположить, что в периоды социальных потрясений и кризисов доминирующей становится социально-критическая интерпретация, тогда как в стабильные эпохи на первый план выходят героико-романтическая и мифопоэтическая стратегии восприятия. Эта гипотеза, впрочем, требует отдельной эмпирической проверки.

Вместе с тем необходимо обозначить ряд ограничений проведённого исследования. Во-первых, предложенная типология читательских стратегий основана на теоретическом моделировании, а не на эмпирических данных о реальных читательских реакциях. Эмпирическая верификация с привлечением методов социологии чтения и когнитивной нарратологии могла бы существенно обогатить и скорректировать наши выводы. Во-вторых, в рамках данной работы мы сосредоточились на синхронном анализе, оставив за скобками вопрос об исторической динамике читательского восприятия обоих романов, которая также представляет значительный исследовательский интерес.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о роли жанровых ожиданий в формировании читательских смыслов. Оба исследуемых произведения принадлежат к жанру исторического романа, однако каждое из них по-своему трансформирует жанровый канон. Шукшин привносит в исторический роман элементы психологической прозы и экзистенциальной драмы, что расширяет привычные жанровые рамки и создаёт у читателя ощущение жанровой неопределённости, стимулирующее более глубокую рефлексивность [19, с. 312]. «Золотая голова мстителя», напротив, обогащает исторический роман элементами героического эпоса и мифологического предания, что задаёт иной горизонт жанровых ожиданий и, соответственно, иную траекторию смыслопорождения. Осознание этих жанровых модификаций представляется необходимым условием адекватного понимания читательских стратегий, выявленных в нашем исследовании.

Не менее существенным представляется наблюдение о роли фигуры автора в процессе читательской рецепции. Шукшин — писатель, режиссёр, актёр, человек из народа — сам в определённой степени являлся носителем того типа сознания, который он воплотил в образе Разина. Биографический контекст неизбежно влияет на читательское восприятие, создавая дополнительный слой смыслов, в котором роман прочитывается как авторская исповедь, как попытка Шукшина осмыслить собственную судьбу через историю великого бунтаря [11, с. 74]. Аналогичным образом биографический и культурный контекст автора «Золотой головы мстителя» создаёт специфическое поле рецептивных ожиданий, которое не может быть проигнорировано при анализе читательских смыслов. Компаньон справедливо подчёркивает, что полное устранение фигуры автора из интерпретативного горизонта является теоретической абстракцией, не соответствующей реальной практике чтения [21, с. 93].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Романы «Я пришёл дать вам волю» и «Золотая голова мстителя», обращаясь к архетипу народного героя-бунтаря, реализуют принципиально различные модели художественного осмысления связи между социальной этикой и индивидуальным действием. Если в произведении Шукшина

образ Степана Разина строится на основе полифонического повествования, акцентирующего внутреннюю противоречивость героя и трагическую неразрешимость его нравственной дилеммы, то в «Золотой голове мстителя» доминирует эпическая стратегия, представляющая героя как персонификацию коллективной воли народа, действующего в соответствии с императивами родовой этики.

Система социально-этических оппозиций, организующих смысловое пространство каждого из романов, отражает глубинные различия в культурных моделях героизма. Центральная для Шукшина оппозиция «воля — неволя» предполагает экзистенциальную трактовку бунта как проявления индивидуальной свободы, сопряжённой с личной ответственностью. Доминирующая в «Золотой голове мстителя» оппозиция «честь — бесчестье» помещает действия героя в контекст коллективных ценностей и ритуально-мифологических представлений о справедливости как восстановлении первоначального порядка вещей.

Разработанная нами типология читательских интерпретаций (героико-романтическая, социально-критическая, экзистенциальная, мифопоэтическая) демонстрирует, что образ народного героя является мощным генератором множественных смыслов, а доминирующая стратегия интерпретации определяется взаимодействием нарративных стратегий текста и культурного горизонта читателя. Эта множественность смыслов, с нашей точки зрения, и является залогом долговечности обоих произведений, их способности оставаться актуальными для читателей различных эпох и культур.

Практическое значение полученных результатов определяется возможностью их использования в преподавании курсов сравнительного литературоведения, теории литературы и межкультурной коммуникации. Предложенная методика анализа читательских стратегий может быть применена к широкому кругу произведений, объединённых тематикой народного героизма и социального протеста. Четырёхчастная классификационная матрица обладает достаточной гибкостью, чтобы быть адаптированной к иным жанровым и тематическим контекстам.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с эмпирической проверкой предложенной типологии на материале реальных читательских реакций, а также с расширением корпуса анализируемых произведений за счёт включения текстов, принадлежащих другим национальным литературным традициям. Особый интерес представляет изучение того, каким образом изменение социально-политического контекста влияет на динамику читательского восприятия образа народного героя, что потребует применения диахронического подхода и привлечения методов исторической социологии чтения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шукшин, В. М. Я пришёл дать вам волю : роман / В. М. Шукшин. — Москва : Советский писатель, 1974. — 384 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 424 с.
3. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — Москва : Искусство, 1970. — 384 с.
4. Яусс, Х. Р. История литературы как провокация литературоведения / Х. Р. Яусс // Новое литературное обозрение. — 1995. — № 12. — С. 34–84.

5. Лихачёв, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачёв. — Москва : Наука, 1970. — 180 с.
6. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 2001. — 192 с.
7. Изер, В. Акт чтения: теория эстетического воздействия / В. Изер. — Киев : ДУХ І ЛІТЕРА, 2004. — 348 с.
8. Рикёр, П. Время и рассказ. Т. 1 / П. Рикёр. — Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. — 313 с.
9. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — Москва : Искусство, 1984. — 350 с.
10. Козлова, С. М. Поэтика рассказов В. М. Шукшина / С. М. Козлова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1992. — 184 с.
11. Апухтина, В. А. Проза В. Шукшина / В. А. Апухтина. — Москва : Высшая школа, 1986. — 96 с.
12. Каганович, С. Л. Восприятие литературного произведения как герменевтическая проблема / С. Л. Каганович // Литература в школе. — 2002. — № 5. — С. 24–29.
13. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — Москва : Высшая школа, 2004. — 405 с.
14. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2005. — 502 с.
15. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. — Москва : Прогресс, 1988. — 704 с.
16. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ / В. Н. Топоров. — Москва : Прогресс-Культура, 1995. — 624 с.
17. Тюпа, В. И. Аналитика художественного / В. И. Тюпа. — Москва : Лабиринт, РГГУ, 2001. — 192 с.
18. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад / В. М. Жирмунский. — Ленинград : Наука, 1979. — 493 с.
19. Кожин, В. В. Происхождение романа / В. В. Кожин. — Москва : Советский писатель, 1963. — 440 с.
20. Аверинцев, С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции / С. С. Аверинцев. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 448 с.
21. Компаньон, А. Демон теории / А. Компаньон. — Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2001. — 336 с.
22. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. — Москва : Искусство, 1970. — 224 с.
23. Манн, Ю. В. Диалектика художественного образа / Ю. В. Манн. — Москва : Советский писатель, 1987. — 320 с.
24. Тодоров, Цв. Введение. в фантастическую литературу / Цв. Тодоров. — Москва : Дом интеллектуальной книги, 1999. — 144 с.
25. Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. — Москва : РГГУ, 1994. — 136 с.